

Пост Святой Ольги, Глава 6

Сутки от Амгу «Викерс» шел на юг. При подходе к заливу Святой Ольги гористый берег прикрыт туманом, но в просвете хорошо высветилась широкая долина реки Вай-Фудзина. Отливное течение при встрече с волной, идущей с моря, образует небольшие сулои у входа в бухту. Берега гавани окаймлены крутыми горами, заросшими кудрявым дубняком и подходят к ним вплотную.

Мишель увидел широкую пойму реки Аввакумовки, как её называли переселенцы, и стесненную сопками у входа длинную бухту за скалой. Пост Святой Ольги состоит из двух десятков домов самой невзрачной постройки. Из них наиболее выдающиеся: дом начальника поста, казармы и лазарет. Военная команда - дюжина солдат. В полуверсте от поста раскинулись деревни Ветка, Тамбовка, Новинка. Жители занимаются хлебопашеством, но теперь более скотоводством и охотой. Тайга на большой территории объявлена заказником общины. Земля, здесь хотя и хорошая, но урожаи большей частью плохи. Главная причина неурожаев - резкие перемены погоды. Но крестьяне живут здесь, как кажется, в довольстве и ни в чем не нуждаются.

Первый транспорт прошел сюда вокруг света. Переселенцев, что остались живы после болезней и годового путешествия во влажных и жарких тропиках, вместе с бабами и тягловым скотом, высадили в тайгу. Они возвели избы, раскорчевали и распахали земли, но в первый же год все смело наводнение, построились заново на возвышенностях.

После того, как главный порт Приморского края переместился в 1860 году в пост Владивосток и вновь открытую бухту Золотой рог, основной базы флота на Дальнем Востоке, поселок Ольги потерял перспективу развиваться в город. Ольга осталась воротами в тайгу и загадочный горный край Сихоте-Алинь.

На берегу залива разбросано несколько чистеньких китайских фанз с тщательно обработанными огородами, покрытыми свежей зеленью разных овощей. Это китайское поселение Шимынь, оно имеет связи со всем китайским населением залива Ольги, залива Владимира, Тадуши и далее по северному побережью до бухты Тетюхе и Пластуна.

В правовом отношении китайское население, находящееся на территории принадлежащей России, можно разделить на две категории. К первой относятся подданные Китая, живущие оседло в Амурской и Приморской областях до заключения Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров между Россией и Китаем. По условиям этих договоров они получили право остаться в местах проживания и заниматься традиционными промыслами. Им выдаются бессрочные билеты с указанием места постоянного жительства. Эти китайцы, хотя и состоят в китайском подданстве, должны подчиняться российским законам и распоряжениям русской администрации, но китайцы на русском Дальнем Востоке живут по своим правилам. Весь Уссурийский край для удобства управления они разделили на округа, во главе которых стоят

амбани-начальники, вершащие суд над китайцами, а заодно и над местными аборигенами.

Вторую категорию китайского населения после присоединения края к России составляют подданные Цинского государства, приходявшие на заработки. Посредством торговли в кредит китайские торгаши держат в своих руках все промыслы в крае. На них работают тысячи искателей женьшеня, охотников, золотоискателей, рыболовов и капустоловов. Почти все добытое растительное и животное сырье, а также морепродукты отправляются в Китай.

Со стороны мыса из глубины бухты от брандвахтенного поста показался безобразный плашкоут с нещадно дымящей черной трубой, торчащей посередине палубы из сооружения похожего на дровяной сарай. Небольшой, весь черный, с золотою полоской вокруг, с красивыми линиями обводов, высоким рангоутом и белоснежной трубой, «Викерс», несмотря на колеса машины с обеих бортов, выглядел в красивой бухте Ольги середины лета изящно и по-щегольски. Подали концы на шкуну с плашкоута, где на палубе тесно стоят солдатики военной команды, и пришвартовались к борту. Она колышется как лапоть над изумрудной водой бухты, бьет по волне плоским днищем. По спущенному трапу поднялся унтер с двумя конвойными. Кэп «Викерса» вынес документы, и офицер углубился в изучение судовой роли. Недоверчивые глаза смотрят на пассажира Бакунина, потребовал от него бумаги. Долго разглядывал подорожную, выписанную до Николаевского поста.

- Вам придется проследовать на берег, - заявил унтер.

Солдаты встрепнулись, угрожающе задвигали старыми, еще времен Крымской войны гладкоствольными карабинами. Мишель не выдал своего волнения, а перешел в атаку, стараясь завладеть инициативой. Достал бумагу, позволявшую ему, как представителю Амурской коммерческой компании, передвижение по вновь присоединенным землям. Но унтер со стальными глазами был упрям. Чтобы выдержать паузу, Бакунин раскурил сигару, и неторопливо достал еще бумагу, но за подписью военного генерал-губернатора Корсакова. Как она ему досталась, знал только Бакунин и сам Корсаков, которому Мишель дал «честное слово благородного человека», что не сбежит. В Николаевске-на-Амуре именно эта бумага помогла ему подняться на борт парохода-клипера «Стрелок», капитан, которого Сухомлин, не усомнился в лояльность Бакунина. Но тщательно постриженный и выбритый проверяющий, поправив высокую казенную фуражку, с настороженностью смотрел на чересчур вольную крупную фигуру Бакунина с пышной шевелюрой «революционера-гарibaldiйца».

- Я не собираюсь покидать шкуну, мне незачем на берег. Так и передайте по команде лейтенанту Маневскому, своему начальнику поста. Если он сочтет нужным мое присутствие на посту, пусть соизволит прислать распоряжение.

Видно унтер понял, что конфликт с господином из Иркутска, в виду отсутствия командира, отправившегося на транспорте "Байкал" на патрулирование в залив Владимира, нежелателен - некому показать служебное рвение, а перед безгласными солдатами не хотелось уронить лицо. Покочевряжившись еще, он оставил на палубе солдатика, чтобы присматривал за иностранцами во время разгрузки «Викерса», а сам спустился на плашкоут. Шлепала пола форменного сюртука с четырьмя большими пуговицами по отставленной заднице, и на шлюпке с двумя гребцами таможенный чиновник отплыл на берег.

Строевой лес команда шкуны сбросила в воду, где бревна подхватили баграми

солдатики. Вахтенные матросы шкуны дремали, сидя в «бухтах» снастей или примостившись к борту, наблюдая, как работают русские. Вскоре от берега оторвались несколько лодчонок, груженных китайцами, предлагающими команде «Викерса» овощи: китайские крупные желтые помидоры, связки салата и длинные зеленые огурцы, а также вяленую рыбу и трепангов, свежих морских обитателей: мидий, гребешков, громадного осминога в закрытой плетеной корзине. В отблесках яркого солнца от глубокой воды бухта, зеленых сопок, живописные китайцы выглядели экзотично, и не удивительно – это недавно было Китаем, точнее, Маньчжурской запретной провинцией. При сохранении китайского населения, Российская империя не удержит эту территорию, ввиду соседа - шестисотмиллионного Китая. Отдельно за серебро можно было приобрести у экзотов опиум, искусно увязанный в листья табака.

Крупный сутулящийся белобрысый солдатик с востреньким носом и большим губастым ртом, оставленный на шкуне главным, сняв фуражку и форменный суртук, обнажив длинные волосатые руки, держащие за цевье ружье, присел у борта, беззлобно перекликаясь с плашкоутом. Его громогласный мат неся победно из края в край над бухтой. Это било в уши Бакунина, но забавило матросов «Викерса», познавших в России язык «санофэбич» - сукиных сыновей. Мишелю было неловко и стыдно. Засорение пустышками, матерными словами, семантического пространства, поганым низким образом свойственно выражать наглости и безнаказанности охлоса. Многолетняя рекрутчина уничтожила в этом простом русском человеке последние остатки общественной морали – мат раба обосновывает его превосходство над окружающими по принципу, как говорят немцы – мой «herr» больше твоего «sir».

С государством нельзя договориться - в чистом виде власть это уничтожение всего человеческого в работающем творческом человеке. Рабство в России повсеместно. Поэтому надо готовиться к войне на полное разрушение системы власти, а значит - и уничтожения погрязших в ней насильников. Власть держится на безнаказанности и действует исподтишка, а рабство - на страхе, на безволии жертвы, на покорности и хнычущем «добре» быдла. Власть выращивает для себя исполнителей своей воли, на это направлено образование и просвещение в государстве с помощью урядников, попов и невежественных фанатиков. Тоталитарная селекция палачей всего человеческого. «Когда мы говорим о бессилии что-то изменить в мире, то имеем в виду не неспособность человека господствовать над другими, а его неспособность к самостоятельной жизни. Пока индивид способен реализовать свои возможности на основе свободы и целостности своей личности, господство над другими ему не нужно, и он не стремится к власти. Власть - это извращение силы, точно так же как мат - извращение половой любви.

Разрушить мир с помощью мата - это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру разрушить себя. Целью власти является поглощение субъекта полностью, целью разрушительности – устранение своей отчужденности от власти, иллюзорная свобода. Матерные выражения стремятся усилить одинокого индивида за счет его господства над другими, его разрушительность - за счет ликвидации любой внешней угрозы. В большинстве случаев разрушительные стремления сознательно актуализируются таким образом, чтобы, по меньшей мере, несколько человек или целая социальная группа разделяли эту актуализацию, и она им казалась реальной, коренной.

Разрушительность - это результат непрожитой жизни».

Освободившись от груза, «Викерс» с Бакуниным на борту, отошел в открытое море по

направлению Японии, на Хакодате.